Василий ТКАЧЕНКО

Суверенная бюрократия Украины: в зоне двойной периферии

27 апреля 2010 г. Верховная Рада Украины ратифицировала украинско-российский договор о продлении пребывания Черноморского флота РФ в Севастополе. Этот факт повысил интерес к украинской тематике у собравшихся в Ростове-на-Дону участников российско-украинского симпозиума по проблемам политической бюрократии и господствующих меньшинств. К тому же на работе симпозиума сказался и общий сдвиг в общественном мнении двух народов: если в 2008 г., по данным Левада-Центра и киевского КМИС, к Украине положительно относилось 37% россиян (плохо – 52%), то в 2010 положение претерпело сдвиг в лучшую сторону – хорошо к Украине уже относилось 52% россиян. Отношение украинцев к России более стабильно: в 2008 г. положительно были настроены 88% (плохо – 9%), а в 2010 г. – положительно 93% (плохо – 4%). И это не может не радовать: всегда лучше вести диалог и находить взаимопонимание, чем замыкаться в себе со своими предрассудками и предубеждениями.

В этом контексте привлек внимание факт комментирования российскими экспертами идеи объединения двух стран, которая, по социологическим опросам, более популярна среди украинцев (22%), чем среди россиян (14%). По словам генерального директора Информационно-политического центра по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве GZT.RU А. Власова, гражданам Украины идея объединения двух государств оказалась милее, чем россиянам, но не в силу ностальгии по СССР, а «просто люди устали от окружающего бардака»[1].

С точки зрения украинцев, активизировавшийся украинско-русский диалог предполагает известную политкорректность. Проблема суверенитета является слишком болезненной для украинцев и их «суверенной бюрократии» в силу пребывания Украины в зоне «двойной периферии»: как по отношению к «центру мир-системы» – Европе, так и по отношению к «полупериферии мир-системы» – России. В этой связи вопрос «двойной периферии» Украины и станет предметом нашего рассмотрения.

Становление суверенитета. Государственность Украины выстрадана целыми поколениями. Отсутствие таковой трагично отразилось на исторической судьбе украинского народа, и поэтому, вопреки всем перипетиям общественного развития за годы независимости, ныне постоянно растет количество наших сограждан, которые с гордостью говорят о своей Родине. Согласно социологическому проекту «Автопортрет Украины – 2010», они воспринимают Украину как самодостаточное независимое государство (77%), разделяя при этом понятия «государство» и «власть». Отношение к государству и государственности большею частью положительное, а к органам государственной власти и ее представителям – в большинстве случаев отрицательное. Объяснение тому – «украинцы считают, что политики сосредоточились на личном обогащении и погрязли в борьбе за власть».

С учетом неоднозначных событий последних лет, стоит напомнить российскому читателю некоторые вехи 18-летнего пути независимости Украины. Мы трезво осознаем, что утверждение государственности – это длинный и сложный процесс, который объединяет: 1) установление современных демократических институций; 2) создание элементов сложной рыночной экономики; 3) приобретение должного международного статуса и формирования надлежащей внешнеполитической линии в сложных условиях изменений в Европе и Азии. Отрадно отметить, что в каждой из этих сфер были достигнуты определенные успехи.

Путь к полноценной независимости оказался нелегким. Еще в 1994 г. в докладе американских разведывательных служб под названием «Украина: нация в опасности», высказывалось сомнение относительно возможности существования независимой Украины в ближайшие

[1] См.: http://www.gzt.ru/print/293233.html.

десять лет. Скептическое отношение к перспективам Украины объяснялось такими факторами: тесные этнические, языковые и религиозные связи Украины с Россией; слишком краткая история существования Украины как независимого международного субъекта; значительный процент населения российского происхождения; тесные связи украинской политики, экономики, армии с Россией как наследие советского периода[1]. Ныне вопрос так не стоит – Украина сформировала независимые (хотя и несовершенные) государственные институты и получила широкое международное признание. Мы не видим ничего удивительного в том, что становление украинской идентичности формировалось путем позиционирования себя по отношению к России так же, как и становление российской идентичности – в значительной мере позиционированием по отношению к Украине. В интересах обеих стран избавиться от комплекса «старшего» и «младшего» брата, навязываемого в советские времена. Процесс этот непрост и весьма деликатен: главное здесь – не опуститься до этнофобии.

Украина достигла значительного прогресса в сфере свободы слова. Согласно оценке международной организации «Freedom House», Украина в 2005 г. получила рейтинг «свободной», как и Прибалтийские страны. Украинские СМИ стали более сбалансированными и профессиональными, хотя некоторые газеты и телевизионные каналы по сей день проводят такую редакционную политику, которая может исказить изложение новостей. Однако эта политика осуществляется именно издателями, а не правительственными чиновниками.

За прошедшие годы Украина внедрила важные элементы рыночной экономики. Теперь рынки, а не плановики в центре, определяют цены на большинство товаров и услуг. Границы Украины открыты для международных торговых потоков. Западноевропейские и российские банки приобрели значительные пакеты акций украинских банков. После невиданной инфляции, которая достигла в 1993 г. 10 000% годовых, Украина создала сравнительно стабильную национальную валюту и снизила индекс инфляции до допустимого уровня. Большинство предприятий было приватизировано, и частный сектор формирует свыше 65% ВВП, тогда как еще в 1991 г. этот сектор, согласно оценкам Европейского банка реконструкции и развития, составлял всего 10%.

Однако с оценкой приватизации не все так просто и однозначно. Первые десять лет зафиксировали падение производства, вследствие чего ВВП Украины снизился до 40,8%. В последующие девять лет наблюдался рост производства, но ВВП достиг лишь 74,1% от уровня 1991 г. Главной причиной неэффективности общественных изменений стала извращенная система политической власти с доминированием групп влияния и жесткой конкурентной борьбой между ними, превращением государственных органов в средство получения специфической ренты «на власть». Подобный характер организации власти привел к взрыву коррупции, расширению теневых и даже криминальных процессов в экономике и управлении, спровоцировал разрушение фундаментальных ценностей украинского общества[2].

Проблемой украинской экономики остается большая зависимость от импорта источников энергии: свыше 75% природного газа, 80% нефти и 100% ядерного топлива доставляются только из России или через Россию. По мнению экспертов, в случае успешного освоения ресурсов нефти и природного газа (на суше и шельфе), больших залежей угля и наилучших в Европе перспектив добычи метана из угольных пластов, рационального использования четырех атомных электростанций с 15 реакторами Украина могла бы вдвое уменьшить свою зависимость от импорта энергоносителей.

В 1992 г. Украина отказалась от предложения России относительно подчинения Украинской армии Вооруженным силам СНГ. На территории Украины нет иностранных войск, чье пребывание не допускается и не регулируется международными и украинскими законами. Черноморский флот России базируется на украинской территории в морской базе Севастополь и других пунктах в Крыму на основании договора об аренде. В январе 1994 г. Украина подписала заявление трех сторон и согласилась передать России стратегические ядерные боеголовки, унаследованные от Советского Союза, для дальнейшего уничтожения (этот процесс был завершен в 1996 г.). США, со своей стороны, помогли Украине ликвидировать межконтинентальные баллистические ракеты, пусковые ракетные установки и стратегические бомбардировщики. Присоединившись в 1994 г. к Договору о нераспространении ядерного оружия как неядерное государство, Украина полу-

[1] См.: Центр стратегічних і міжнародних досліджень. Україна: оцінка шістнадцяти років незалежності. Лютий, 2008. С. 2.

[2] См.: Соціально-економічний стан України: наслідки для народу та держави: національна доповідь / За заг. ред. В.М. Гейця. К.: НВЦ НБУВ, 2009. С. 6.

чила официальные гарантии безопасности от США, Великобритании и России относительно своей независимости, суверенности и территориальной целостности. Соответствующий Будапештский меморандум обязал стороны, которые подписались, воздержаться от угроз или использования силы, а также от экономического давления, что могло бы угрожать суверенному статусу Украины. Вскоре Украина получила такие же гарантии от Франции и Китая.

Все это свидетельствует о том, что после получения формального суверенитета фактическое достижение политического суверенитета стало одним из самых важных успехов Украины. Ныне возродились активные двусторонние отношения между Украиной и Россией на уровне президентов, премьер-министров и представителей правительств в рамках Российско-украинской межгосударственной комиссии. Украинская власть засвидетельствовала свое намерение сохранить контроль над системой трубопроводов до того времени, когда можно будет произвести открытый и прозрачный тендер и работать с «Газпромом» России на взаимовыгодных условиях. Обозначенные тенденции дают основания считать, что связи между нашими странами развиваются в направлении сбалансированной взаимозависимости.

В развитии России и Украины по пути либерализации можно увидеть много общего, но есть и отличительные особенности. Если сравнивать сейчас две страны на предмет перехода к новым правилам игры, то необходимо признать, что формирование рыночных отношений в России происходит значительно быстрее. И это понятно: в России была для этого более могучая ресурсная база. Да и кадровый потенциал был посильнее, чем в Украине. В результате Россия сегодня имеет значительно более развитый фондовый рынок и банковский сектор, больше денежно-финансовых инструментов и могущественных международных корпораций. Это факт приходится учитывать украинской стороне как при формировании двусторонних отношений, так и позиционируя себя в современном глобализированном мировом сообществе.

Суверенная бюрократия в ступоре. За годы независимости Украина развивалась отнюдь не по восходящей прямой, а сталкиваясь постоянно с проблемами и трудностями. Следует признать продуктивность периодизации, предложенной руководителем программы для России и Евразии Королевского института международных дел Дж. Шерром (Великобритания)[1]. По его мнению, после распада СССР Украина пережила три наиболее важных этапа становления своей государственности. Наиболее значимый – провозглашение независимости в 1991 г. Однако определяющим вопросом первых лет независимости был такой: сможет ли Украина уберечь независимость, не говоря уже о территориальной целостности и нерушимости границ.

Второй этап приходится на весну и лето 1997 г. Три тесно связанные события – заключение Договора об особом партнерстве между Украиной и НАТО, заключение межгосударственного соглашения между Украиной и Российской Федерацией и подписание трех межправительственных соглашений о Черноморском флоте – содействовали преодолению неуверенности раннего периода независимости и становлению страны как признанного, самостоятельного игрока в Европе. Но каким именно игроком будет Украина? То, что она останется суверенным и независимым государством, вроде бы уже не подлежало сомнению, хотя и оставался открытым вопрос, насколько демократичным, социально ориентированным и правовым государством она будет.

Третий и самый драматичный этап – «оранжевая революция» – казалось бы, вносил какую-то определенность в ситуацию. Истоки этой революции не вызывают сомнений. Олигархическая корпоративизация общества наглядно продемонстрировала к тому времени свою обратную сторону: законодатели и чиновники стали бизнес-партнерами, набирала силу торговля полномочиями, льготами и возможностями. В этот коммерционно-политический рынок не могли не быть включены суды и вся правоохранительная система. Общественный процесс стал приобретать противоречивые и болезненные формы. Все это и вылилось в длительный политический кризис, который породил феномен Майдана с его искренними надеждами широких масс населения на улучшение жизни. Присутствовали, конечно, и иллюзии о пришествии «мессии», который заключит новый общественный договор между народом и властью, а также возложит на себя бремя ответственности за общественные преобразования. Иллюзии этой незрелой демократии вскоре рассеялись, а ко времени первого распада «оранжевой коалиции» 2005 г. власть наглядно засвидетельствовала свою деструктивность.

[1] См.: *Шерр Дж.* Політика національної руйнації // Дзеркало тижня. 2008. 2–8 серпня. С. 1, 4.

Характер работы властных структур уже в 2008 г. показал, что страна достигла четвертого критического этапа, который можно определить как паралич государственных структур. В полной мере назрел вопрос: когда же и каким образом Украина сможет преодолеть этот политический ступор, какой вред за это время будет нанесен ее экономике, реформам и международному положению? Станет ли паралич всеобщим, как в Польше времен Liberum Veto (1652–1791), или во Франции в последнее десятилетие Третьей республики (1870–1940)? Не потеряет ли Украина способность воспринимать надлежащим образом региональные и глобальные факторы, которые воздействуют на нее, и эффективно влиять на них? Другими словами, останется ли она все-таки субъектом или скатится к уровню объекта международных отношений?

Стоит ли удивляться, что в ответ на ситуацию политического паралича в европейских кругах стали даже обсуждать вопрос, какой термин применять относительно Украины – «государство» или «страна», – что свидетельствовало о понимании Европой отсутствия надлежаще консолидированной элиты в Украине и действенности ее государственных органов власти. Например, президент Проекта переходных демократий Б. Джексон (США) откровенно заявил, что «никто в Верховной Раде не подотчетен украинским избирателям... Это характеристика незрелой и безответственной политической номенклатуры». Именно это и является основной причиной того, что «Украина постоянно пребывает в кризисе. Откровенно говоря, это постоянный феномен. Время идет, и это становится обыденным и скучным. Я имею в виду то, что мир больше не реагирует на политическую нестабильность в Украине. Это уже стало своего рода рутиной»[1].

В этой ситуации украинской суверенной бюрократии уже мало в чем мог помочь поиск «внешних врагов», которые, дескать, уже в который раз стоят на пути создания полноценной украинской государственности. Необходимо было набраться мужества и признать: эти вопросы обусловлены причинами внутреннего характера, на них невозможно ответить без осуществления внутренних перемен. Уже сам факт массового участия граждан Украины в «оранжевой революции» и событиях, которые ей предшествовали, свидетельствовал о разрыве между характером и приоритетами гражданского общества, которое постепенно зреет, и правящим классом страны. Рядовые украинцы вышли на площади в надежде на утверждение демократии и построение социально ответственного государства, которое бы преодолело резкую социальную дифференциацию общества. Но дальнейшие события показали, что разрыв между гражданским обществом и правящим классом не уменьшился, а, наоборот, увеличился.

Проведя деструктивную для Украины «чистку» низовых звеньев государственного аппарата, когда было уволено до 20 тысяч «кучмистов», сама «оранжевая революция» удивительно мало повлияла как на кадровый состав верхушки властных структур, так и на их менталитет и поведение. Стало понятно, что личные цели и борьба за власть, как правило, превалируют в украинских правящих кругах над национальными интересами. Политическую напряженность в обществе усиливали: недейственность правовой системы и некомпетентность государственных структур; отсутствие подотчетности и прозрачности в гражданской и публичной сферах; умение властей увертываться от решения актуальных проблем и одновременно пользоваться ситуацией для удовлетворения собственных интересов. Как заявил директор Института экономики и прогнозирования НАН Украины В. Геец на правительственном «круглом столе» 28 апреля 2009 г., «любые антикризисные меры правительства обречены на неудачу, поскольку в обществе превалирует тотальное недоверие к государственным институтам, которые оказались неспособными эффективно исполнять свои функции». Не радуют и прогнозы на ближайшее будущее. Поскольку из 133 значительных государств лишь 20 за последние 50 лет смогли несколько сократить отставание от «большой двадцатки», то Украина среди отстающих столкнулась с угрозой скатиться к уровню тех 43 государств, которые попали в полную зависимость от транснациональных и региональных корпоративных кланов[2].

Сможет ли преодолеть это положение дел новая власть, которая стала заложником обстоятельств, пока что остается под вопросом. Налицо ситуация биполярного противостояния двух политических группировок, которая тревожит представителей большого бизнеса. Принимая во внимание сложные маневры, которые ныне осуществляются внутри украинского правящего класса, в частности попытки избежать

[1] Цит. по: *Сирук Н.* О незрелости и безответственности // День. 2008. 18 ноября. С. 1.

[2] См.: Антикризисным мерам правительства прочат провал из-за недоверия народа // http://rus.newsru.ua/ukraine/02may2009/geecz_print.html

проведения внеочередных выборов в Верховную Раду, идут поиски компромиссов с целью перераспределения власти в интересах различных финансово-промышленных групп с учетом их внутренних и внешних ориентаций.

Бюрократия и национальная идентичность. Подлежит переосмыслению и само понимание суверенитета. То понимание государственного суверенитета, которое сформировалось после Вестфальского мира 1648 г., или государственно-национального суверенитета как следствия Французской революции 1789 г., хотя все еще вызывает пиетет некоторых представителей украинского политикума, давно уже стало достоянием истории. Нынешняя суверенная бюрократия, определяясь в своей национальной идентичности, вынуждена учитывать, что жить в условиях глобализации и быть независимой от многоярусной системы идентификации невозможно. Для обеспечения безопасности страны ныне выстраивается многоярусная система идентичности, составными частями которой являются глобализм и регионализм как воплощение более широких политических и экономических ансамблей. Одновременно утверждают себя субнациональные сообщества (этнические и др.), в той же мере, как и транснациональные (в пределах религий, социальных классов). Эти факторы накладываются на государственный национализм той или другой постсоветской страны (отстаивание национальных интересов), так что, в конечном итоге, устанавливается такое соотношение факторов, которое если и не гарантирует зримого прогресса, то, во всяком случае, обеспечивает определенную общественную и национальную безопасность страны.

Что касается нынешней Украины, прежде всего, следует учитывать, что идентичность (национальная и любая другая) является не только продуктом самоутверждения, она должна быть признанной другими в контексте международной легитимности. Эта идентичность связана не только с гражданством или стремлением к определению географических границ и территорий, а и с членством в определенном региональном политическом содружестве, с определенными глобальными обязательствами.

Итак, исследуя процессы в украинском обществе, мы не можем не учитывать как общие закономерности формирования суверенной бюрократии, так и особенности украинского ландшафта. Как отмечает профессор Северо-западного университета (Чикаго) Г. Дерлугьян, любые ландшафты «наполнены социальными сетями, классами, статусными группами (идентичностями), политическими движениями, государственными учреждениями и капиталистическими организациями и не в последнюю очередь конкретными людьми, действующими в насыщенном историческом контексте по своему культурно-обусловленному разумению»[1]. Поэтому стремление создать какую-то идеальную модель социально обустроенного общества, которому бы соответствовала «нормальная» и «настоящая» бюрократия, выглядит весьма спорно.

Так, например, в дискурсе Украины относительно путей дальнейшего развития часто речь идет о четырех типах современного капитализма – олигархическом, государственном, организаторском (институализированном), и предпринимательском. При этом олигархическая форма характеризуется как наиболее примитивная, порождающая глубокое социальное расслоение и имущественный разрыв. Есть понимание того, что при олигархическом капитализме, как правило, игнорируются общенациональный интерес и задачи экономического роста страны, а во главу угла ставится личное обогащение узкого круга семейств. К сожалению, по этому, типично латиноамериканскому пути, судя по всему, пока что следует и Украина. Россия оценивается у нас как страна, которая стремится поменять латиноамериканскую модель на модель южнокорейскую и даже добилась определенных успехов на этом пути. Большой организаторский капитал Западной Европы и Японии оценивается весьма положительно, однако указывается на чрезмерную роль бюрократизации экономики и боязнь рисков коммерциализации новаторских решений. И наконец, предпринимательский капитализм США, по мнению экспертов, более всего благоприятствует расширению горизонтов производства за счет смелого и радикального новаторства.

Как нам представляется, было бы наивно предполагать, что, находясь на фазе олигархического корпоративизма, Украина имеет значительные шансы свободного цивилизационного выбора и радикального перехода к более зрелым формам общественного устройства. Здесь, очевидно, приходится считаться как с исторически накопленным опытом (а часто с отсутствием такового), так и с наличием/отсутствием необходимых человеческих и природных

[1] *Дерлугьян Г.* Суверенная бюрократия: тезисы к изучению властвующих элит // Политическая концептология. 2009. № 4. С. 142–143.

ресурсов. В условиях глобализации приходится принимать во внимание и расклад международных сил, и соответствующие главным мировым игрокам правила игры. Этот факт особенно актуализирует болезненную для Украины проблему суверенитета как главную проблему любой новопровозглашенной страны, поскольку капитал должен быть прочно укоренен как на уровне статусных групп Украины, так и на уровне межгосударственном.

Эти факторы и задают определенные контуры того поля, в котором (и только в котором до достижения определенной степени зрелости!) Украина может дрейфовать в ту или другую сторону. Для понимания возможностей и пределов подобного дрейфа Украины весьма полезной, на наш взгляд, может оказаться гипотеза миросистемного уровня И. Валлерстайна и Дж. Арриги с отличительными условиями *ядра миросистемы* и ее *периферии*. Здесь важно иметь в виду, что в нынешнем мире ядро современной миросистемы располагает мощной ресурсной и инфраструктурной силой капиталистов, а также высоко эффективным аппаратом координации. Напротив, на периферии государства крайне слабы, поскольку эффективные государства там не просто непомерно дороги, но и потенциально, в случае политической революции, грозят экспроприацией местных элит.

Конечно же, Украину приходится рассматривать лишь в контексте периферии, где, в силу обострения социальной напряженности и неустойчивости государственного строя, капитал чувствует себя весьма неуверенно. Достаточно вспомнить факт, когда после «оранжевой революции» рассматривались возможности реприватизации сначала 30 тысяч предприятий, а потом не менее 3 тысяч. В итоге, хотя обошлись реприватизацией только «Криворожстали», отечественный бизнес был не на шутку напуган. И для этого были основания, которые, учитывая наличие довольно сильных уравнительных настроений в украинском обществе, остаются в силе.

Например, известный в Украине доктор экономических наук В. Черняк (в прошлом член межрегиональной группы последнего депутатского корпуса СССР) акцентирует внимание на необходимости «осуществить демонтаж плутократично-олигархического капитализма, суть которого состоит в том, что криминально-клановая система, оседлав финансовые потоки, контролирует государство и процесс производства, обмена, распределения и потребления общественного продукта». В результате их хозяйственной практики в Украине стала недопустимо высокой концентрация национального богатства в собственности узкого круга лиц, разительная дифференциация доходов, бедность и нищета широких кругов населения. По масштабам бедности Украина относится к тройке самых бедных стран Европы (Молдова, Албания и Украина). Схематично структура богатства в Украине выглядит примерно так: 5% – так называемой элиты владеют 65% всех богатств; 60% народа владеют 5% богатств; средний класс (35% населения) владеет 30% богатств[1].

Оценивая ситуацию в Украине, лауреат Нобелевской премии в области экономики Дж. Стиглиц (США) указывал на два родовых прегрешения суверенной бюрократии: отсутствие верховенства права и плохо проведенная приватизация. Распределение государственной собственности через «квазилегальные» или полностью криминальные механизмы привело к тому, что нынешние нувориши вынуждены опасаться за судьбу своих миллиардов, а потому пытаются не реинвестировать их в своей стране, а быстро перевести за границу. Поступая так, «олигархи пользуются преимуществами обоих миров: неприкасаемостью прав частной собственности за границей и слабыми местами закона в своих странах»[2].

Попытки некоторых правительственных чиновников бороться с тотальным ограблением страны и вездесущей коррупцией заканчивались, как правило, их отставкой. В среднем за 18 лет независимости сменилось 20 составов правительства, и сейчас у власти находится 21-е правительство под руководством Н. Азарова. В силу недолговечности правительств каждое из них вынуждено было работать в режиме «от бюджета до бюджета», практически не уделяя внимания вопросам стратегического планирования и модернизации. Как следствие – правительственный контроль над общественными процессами практически был блокирован, что и помогло украинским олигархам обогатиться и войти в круг европейской элиты. В то же время Украина занимает последние места в Европе по уровню зарплат и социального обеспечения. Понимание отсутствия перспектив латиноамериканского пути для Украины стало настолько общим местом в общественном мнении, что президент В. Янукович провозгласил демонтаж «дикого капитализма» одной из центральных

[1] См.: *Черняк В.* Посткризисная экономика: как построить капитализм «с человеческим лицом»? // День. 2010. 25 марта. С. 5.

[2] Цит. по: *Княжанский В.* Охотники за рентой. Может ли прийти к власти в Украине популистский диктатор? // День. 2006. 30 мая.

задач новой власти. Сто дней правления нового президента еще не прошло, а потому удержимся от комментариев относительно перспектив решения обозначенных проблем.

Обреченность на периферию? Конечно, проблема бедности затронула не только Украину – это глобальная проблема. Однако в странах организованного капитализма социальной напряженности удается избегать. Как справедливо отмечает Г. Дерлугьян, «в ядре капиталистическая олигархия кооперируется и действует заодно, а *на периферии олигархи постоянно дробятся и жестко интригуют друг против друга, по ходу не позволяя оформиться сильной власти, чтобы не попасть под нее*. Это согласуется с общим положением миросистемного анализа о том, что ядро есть зона комфортабельной монополизации рынков, где ресурсов, как правило, достаточно всем крупным участникам рынка и возможно договорное, более цивилизованное поведение. *Периферия же есть зона, откуда ресурсы утекают, поскольку нет силы их удержать, отчего рыночная и политическая конкуренция приобретает жесткий характер, вплоть до взаимного уничтожения*» (Здесь и дальше курсив наш. – *Авт.*)[1]. По нашему мнению, характеристика периферии полностью относится к Украине и объясняет жесткость политической борьбы между финансово-промышленными группами.

Возможности свободного дрейфа Украины ограничиваются еще и тем, что она попадает в зону влияния промежуточной зоны полупериферии, к которой относится Россия. *Для Украины все четче просматриваются основные черты формирования своеобразной «двойной периферии»*. С одной стороны, в плане экономическом и идеологическом, к периферии «старая Европа» относит весь постсоветский регион, где Россия, впрочем, играет роль своеобразной полупериферии. С другой стороны, в плане политическом и военном, большая часть постсоветских стран, а отныне и Украина, превращается в периферию, подконтрольную российским интересам. Европа уже длительное время не скрывает своей «усталости» от безвластия в Украине, хотя час от часу подбадривает обещаниями активного сотрудничества в рамках Восточного партнерства. Вместе с тем последние события, связанные с газовыми договоренностями между Россией и Украиной, а также с продлением срока аренды морской базы Севастополя на 25 лет, наводят на мысль о значительном совпадении интересов «старой Европы» и Кремля.

Складывается следующее впечатление о таком раскладе: российские войска берут на себя гарантии безопасности газопроводов и защиты Запада от нежелательных последствий со стороны исламского мира, а Европа, со своей стороны, идет на признание российской военной мощи, расширяя одновременно экономическое сотрудничество. Более того, в Европе все чаще слышатся голоса в пользу превращения НАТО в реальную систему европейской безопасности, которая бы включала Россию. К этой дискуссии активно приобщается и Россия. Судя по всему, не уйти от этой дискуссии и Украине, во всяком случае, она обозначилась во время визита В. Януковича в Москву.

Из этого следует, что на ближайшие несколько лет *поле какого-то самостоятельного маневра Украины на пути к цивилизационному выбору будет крайне ограниченным*. Более того, здесь даже намечаются определенные рамочные условия. С одной стороны, отмечает директор Национального института стратегических исследований А. Ермолаев, «в украинском обществе сегодня существует молчаливый консенсус относительно европейского цивилизационного выбора. Украинцы хотят жить, как в Европе, видеть свои институты такими же развитыми, полноценными и состоятельными, как в ЕС». Но, с другой стороны, европейский выбор нельзя отождествлять лишь с вхождением в Европейский союз по той простой причине, что Европа XXI в. – это более сложный феномен, нежели просто ЕС. В итоге, видимо, следует принять как факт, что Украина в ближайшие годы останется лишь восточным соседом Евросоюза, имея сбалансированные и ровные отношения с Россией[2].

Исходя из этого Украине в краткосрочной перспективе будет, скорее всего, суждено постепенно подтягиваться к системе норм и ценностей, исповедуемых центральными игроками клуба полупериферийных государств, которые бы предоставили ей шанс в будущем быть в той или иной мере встроенной в социальное сообщество основных игроков. Тенденция в этом клубе игроков однозначная: «активистские, классически государственнические бюрократии возникают в промежуточной зоне полупериферии (точнее, на внешнем периметре ядра, в странах типа Германии, Италии, России и Японии), где видится надежда догнать капиталистических лидеров, *но приходится группироваться и концентрировать*

[1] *Дерлугьян Г.* Указ. соч. С. 145.

[2] См.: Операция «мозговой трест» // День. 2010. 11 марта. С. 4.

ресурсы, нередко насильственно»[1]. Таким образом, дальнейшая эволюция корпоративно-олигархического режима в Украине, судя по всему, будет тяготеть к эволюции в сторону государственно-бюрократического корпоративизма, характерного ныне для России. Во всяком случае, в первых шагах нового президента В. Януковича просматривается именно это направление.

К бюрократическо-олигархическому корпоративизму? Какие последствия это может иметь для Украины? Трудно судить со стороны – может быть, государственно-бюрократический корпоративизм и представляет собой острую проблему для общественно-политической жизни России. Но *для Украины переход от олигархического корпоративизма к государственно-бюрократической его разновидности, на наш взгляд, может быть определенным благом после длительного периода «войны всех против всех»*. Без излишней апологетики бюрократизма следует все-таки признать, что это сложное явление нельзя воспринимать однозначно, как некое зло или благо: бюрократия – лишь механизм, предназначенный для координации общественных ресурсов и усилий. И *если есть для Украины проблемы в этой сфере общественной жизни, то они лежат как раз в плоскости острого дефицита эффективных, инфраструктурно сильных аппаратов, способных генерировать и распределять общественные блага в виде массового индустриального строительства, здравоохранения, образования, городского транспорта и надлежащего коммунального хозяйства.*

Например, в важности этой проблемы киевляне могли наглядно убедиться при абсолютном пренебрежении городских властей к их жизни и быту. Вместе с тем неудачные попытки переизбрания мера города Киева наглядно показали, что неэффективность действенной мобилизации киевлян была в значительной степени определена отсутствием у оппозиции четко сформулированной и высокоморальной идеологической платформы, способной выдвигать общественно востребованные ценности и задачи. А именно здесь и должна была находиться точка пересечения интересов общества и бюрократической элиты. При отсутствии большой легитимной сверхзадачи, в которую могли бы вписываться личные карьерные амбиции бюрократического аппарата, неминуемо возобладают частные и ведомственные узкокорыстные интересы, подрывающие воспроизводство общественных структур и приводящие к деградации материальной и человеческой инфраструктуры. В итоге на выборах мэра Киева наиболее действенной агитацией послужили продуктовые пайки с гречкой и консервами, которые раздавали малоимущему населению. Массы пенсионеров, потянувшиеся на избирательные участки, послужили, таким образом, охлократическим прикрытием олигархической власти.

Длительное отсутствие в Украине политической определенности и массовое недоверие граждан ко всем ветвям власти (да и политическим партиям, количество которых давно уже превысило полторы сотни) настолько деформировали социальную ткань общества, что применение любых моделей социального развития или экономических законов неизбежно приводит к такому же деформированному результату. К тому же бюрократический аппарат часто выхолащивает сущность, казалось бы, безукоризненных документов. Например, 14 сентября 2006 г. Украина ратифицировала Европейскую социальную хартию, присоединившись к 27 статьям и 74 пунктам Хартии, чем якобы подтвердила свой европейский выбор. Правда, с одной маленькой поправкой – не ратифицировала пункт 1 статьи 2 Хартии, который провозглашает право всех работников на зарплату, которая обеспечивает достойный образ жизни[2]. Оно и понятно: за отсутствием богатых недр (нефть, газ, лес), украинские олигархи могут наживать несметные богатства лишь за счет сверхэксплуатации народа. Как следствие в предкризисном 2008 г. 28% населения относилось к категории бедных, а 15% – к нищим. Конечно, за годы кризиса положение не улучшилось. Ирония судьбы состоит в том, что бедность продолжает быть распространенным явление именно среди населения, которое работает. В то же время совокупные денежные доходы 100 самых богатых людей Украины (без учета иностранных активов), составили 70 млрд. дол. США – около 66% ВВП Украины[3]. В 2008 г. определилась тенденция обеднения 90% населения за счет обогащения только наиболее обеспеченных 10% населения. Все это сказывается на самочувствии людей. Впрочем, в августе 2009 г. только 4% опрошенных считали, что их доход выше среднего по Украине. Большинство же оценивают свое материальное положение как среднее

[1] См.: *Дерлугьян Г.* Указ. соч. С. 145.

[2] См.: Україна в 2005–2009 рр.: стратегічні оцінки суспільно-політичного та соціально-економічного розвитку. К., 2009. С. 158.

[3] См.: там же. С. 160–162.

(46%) или ниже среднего (32%), а 18% считают свой доход низким[1].

Вывод напрашивается сам собой: в Украине необходимо задействовать шкалу налога с физических лиц с максимальной ставкой на высокие доходы. В парламентских комиссиях на эту тему идут даже оживленные дебаты. Но реального проку пока что не чувствуется. Зато налицо дрейф капитала в тень. По оценкам Мирового банка в июле 2007 г., неформальный теневой сектор в экономике Украины достигал 50% официального ВВП (критическим для страны на Западе считается теневой сектор на уровне 15–35% ВВП). Финансово-экономический кризис, с одной стороны, и президентская кампания, с другой, привели к тому, что уровень «теневизации экономики», по мнению некоторых экспертов, достиг 60% ВВП. А это уже является угрозой национальной безопасности государства в целом[2].

Обозначенные выше тенденции могут усилить в Украине тоску по «сильной руке». Сегодня в больших городах страны в теневом секторе экономики формируется средний класс с доходами от тысячи американских долларов и выше. Парадокс состоит в том, что только в теневом секторе экономической активности украинцы и получают надлежащее вознаграждение и достойное признание своего труда и таланта. Работа этого контингента населения оплачивается преимущественно в валюте и «в конвертах». Таким образом, эти люди поставлены в условия «конспирации», а в итоге искусственно выводятся за пределы транспарентной общественной жизни, не ощущая того достойного отношения к себе, на которое могли бы рассчитывать. Теневая экономика деформирует социальную структуру общества, размывает его морально-нормативную культуру, нагнетает политическую напряженность. Именно в этой агрессивной среде и формируется ныне тот средний класс в Украине, который в не столь отдаленной перспективе может послужить основой формирования бонапартистского режима.

Как показывают исследования Всеукраинской социологической службы, люди устали. Сегодня их тревожат прежде всего такие наболевшие проблемы, как «рост цен» (64% опрошенных); «низкий уровень зарплат и пенсий» (51%); «рост безработицы» (42%); «медицинское обслуживание» (37%). Именно на эти вопросы желают люди услышать внятные ответы, а не на те, которые искусственно драматизируются во время избирательных кампаний. Так, вопрос о придании русскому языку официального статуса интересовал 11% опрошенных, о вступлении Украины в ЕС и НАТО – 6%, а о принятии новой Конституции – лишь 4%.

Как можно полагать после всего сказанного, Украине в отсутствие консолидированного гражданского общества суждено пройти непростую и, видимо, чреватую осложнениями фазу превращения откровенно олигархического корпоративизма в его бюрократическо-олигархическую разновидность. Другими словами, бюрократия из инструмента управления олигархов должна в определенной мере преобразоваться в управляющую силу, *осуществляющую практику использования разнообразных способов вмешательства в дела бизнеса с целью сделать его хоть в какой-то мере социально ответственным*. Только на пути расширения сферы государственного (бюрократического) контроля в осуществлении экономический и социальной регуляции украинская бюрократия имеет шанс стать силой, цементирующей общество и определяющей направление его развития. И только на пути решения наболевших социальных проблем сможет сформироваться какой-то социальный капитал доверия и справедливости. Иного на сегодня не дано. Если это не будет достигнуто, геополитическое пространство Украины будет тяготеть к тому, чтобы стать линией разлома в международной системе, а в сфере внутренней жизни превратиться в источник великих потрясений, интриг и разногласий.

Однако прав был Леонид Данилович Кучма: «Украина – не Россия». Как подчеркивается в упоминаемом выше проекте «Автопортрет Украины – 2010», украинцы, несмотря ни на что, не сомневаются в ценности демократической власти. Более 60% опрошенных социологами считают, что именно такая власть нужна нашей стране на современном этапе ее развития. Сторонниками того, что власть в Украине должна быть «точно авторитарной», являются на сегодняшний день менее 15% украинцев[3]. Беда лишь в том, что дело установления демократии и социальной справедливости население перекладывает на «сильную руку». Видимо, и эту хворь Украине предстоит еще пережить.

---

[1] См.: Соціально–економічний стан України… С. 264–269.

[2] См.: там же. С.185–188.

[3] См.: http:// www.otechestvo.org.ua/main/20104/1331.htm.